

И.В.КАРТАШОВА

ЛЕРМОНТОВ И МЮССЕ*

Имя французского романика Альфреда де Мюссе возникало рядом с именем Лермонтова неоднократно как в дореволюционном, так и в советском литературоведении, пишет И.В.Карташова, доктор филологических наук, научный руководитель лаборатории комплексного изучения проблем романтизма Тверского государственного университета. Однако изучение проблемы влияния Мюссе на Лермонтова носило общий характер и рассматривалось «в качестве весьма неопределенной типологической общности» (с. 61).

У Лермонтова нет непосредственных упоминаний о Мюссе, но в России этот французский писатель и поэт был широко известен, начиная с первых своих литературных шагов. В Мюссе видели «ультрапромантика», Пушкин называл его «молодым проказником», «любезным повесой» (цит. по: с. 63), но вместе с тем считал его глубоко оригинальным и искренним художником. Ап.Григорьев называл Мюссе одним из немногих истинных поэтов той эпохи. Словом, популярность Мюссе в России была более высокой, чем в других европейских странах, за исключением, пожалуй, Германии. «Пушкин проницательно указал на многогранность таланта Мюссе, широкий диапазон его творчества, совмещающего лукавую и дерзкую иронию и высокий трагедийный пафос» (с. 63). Контакты с Мюссе обнару-

* Карташова И.В. Лермонтов и Мюссе // Романтизм: Границы и судьбы. – Тверь, 1990. – Вып. 2. – С. 61–80.

живаются и в произведениях самого Пушкина, но больше всего «отозвался» французский романтик в творчестве Лермонтова.

Лермонтов и Мицесе созвучны субъективным, личностным характером и утонченным психологизмом творчества, его предельной исповедальной искренностью, остротой ощущения исторического времени и своей эпохи. Мицесе и Лермонтов одинаково испытывают воздействие Байрона, причем им оказались близки оба варианта байронизма — высокий (трагический) и низкий (иронический). Мицесе иронизировал над разногласиями романтических «партий» и над их борьбой с классицизмом. Лермонтов творил в сложную для русского романтизма эпоху литературных «смут» (с. 66), в эпоху переосмыслиния прежних тенденций и поисков поэтических новаций.

Оба поэта иронично относились к любым крайностям и излишествам, в том числе и романтическим (экзальтации, напыщенности, эффектам), и неоднократно пародировали их.

Автор реферируемой работы считает, что Лермонтову был известен не только роман Мицесе «Исповедь сына века», но и его поэзия, и, в частности, лирический цикл «Ночи» (1835–1837). В лермонтоведении не была отмечена близость клятвы Поэта, обращенной к Музе (у Мицесе), к знаменитой клятве Демона, появившейся в седьмой редакции лермонтовской поэмы. Б.В.Томашевский считал, что в этой клятве отразился зачин первого «Подражания Корану» Пушкина, но автор реферируемой работы видит источник лермонтовской клятвы Демона в цикле Мицесе «Ночи». Схожи и образная система, и поэтические формулы, и структурная организация, и общая направленность художественной мысли обеих клятв, хотя у Лермонтова система образов, восходящая к поэтике Мицесе, «наполняется иным философско-эстетическим смыслом, воплощается в иную концепцию бытия» (с. 69).

Поэтическое сравнение Демона с вечерним состоянием природы навеяно у Лермонтова, по мнению И.В.Карташовой, образом романа Мицесе «Исповедь сына века»: «Ангел сумерек, который не есть ни день, ни ночь» (цит. по: с. 70). Точки соприкосновения Лермонтова и Мицесе обнаруживаются в решении темы поэта и поэзии. У Мицесе в «Бесплодных желаниях» говорится о трагической участии поэта-мечтателя, у Лермонтова в стихотворении «Не верь себе» (1839) сказано: «Как язвы бойся вдохновенья... Не унижай себя. Для них смешон твой плач и твой укор».

Контакты Лермонтова с Мишле заметны на жанровом уровне, в особенности – в области иронической поэмы. Мишле развивал и углублял иронический метод Байрона, введя в него ряд новых черт. У Байрона ироническая поэма развертывалась на экзотическом или историческом материале. Мишле перенес действие иронической поэмы в современный ему Париж. В поэмах «Сашка», «Тамбовская казначейша», «Сказка для детей» Лермонтов «опирается на опыт» Мишле, считает И.В.Карташова (с. 74), причем Лермонтов близок Мишле в предельном обнажении иронического, «игрового» приема: «Читатель знает, что я с ним шучу» (цит. по: с. 75).

Наиболее тесными контактами с романом Мишле «Исповедь сына века» отмечается роман Лермонтова «Герой нашего времени». Однако это контакты, так сказать, «от противного». Лермонтов противопоставил некоторые аспекты «Героя нашего времени» (скорее всего, сознательно, считает И.В.Карташова) роману Мишле, ибо он иначе решает проблему личности в ее содержательном, идеально-философском аспекте, что сказывается в политическом звучании темы романа (с. 77). Впрочем, наличие полемических установок отнюдь не отменяет глубинной общности лермонтовского романа с романом Мишле, ибо оба произведения близки в методологическом отношении, они занимают сходное место в историко-литературном процессе.

В восприятии романа «Герой нашего времени» играет большую роль цепь сложных и многообразных намеков и ассоциаций, среди которых находится и творчество Мишле, считает автор реферируемой работы. «Не повторяя Мишле и явно отсылая читателя к его роману, Лермонтов сосредоточивается на раскрытии кульминационной фазы в трагической духовной биографии современного поколения, которая была начата французским романтиком» (с. 78). В «Исповеди сына века» Мишле отразился новый, очень важный этап в развитии романтизма – все большее сближение с конкретной действительностью, утверждение в романтическом сознании идеи детерминизма, психологическая и историческая типизация при сохранении масштабности, универсальности подхода к жизненным явлениям. Герой выступает как выразитель всей эпохи, всего поколения. Но если в романе Мишле сохраняется романтическая поляризация художественного видения жизни, история души героя дана в виде постоянных колебаний, борьбы двух начал – светская жизнь и идиллический мир сельского единения, то в романе Лермонтова восприятие Печорина окружающе-

жизни лишено однозначности. Главным оружием Печорина в борьбе с действительностью становятся сомнение и скепсис, питающие жизненную активность героя.

«В романах Мюссе и Лермонтова начато сложное реалистическое движение. Оба романа представляют собой переломные явления историко-литературного процесса, отмечены переходностью художественной структуры. При этом движение к реализму в “Герое нашего времени” является более решительным и перспективным, но еще не приходит к своему завершению» (с. 80).

И.Л.Галинская